

Тэреза Стызорик

Истории в утешении

2009
Fiole Studio
Минск

***издание и распространение
благословляется***

Милый Читатель,

я составляла эту книгу с большой любовью к тебе. В ней – собраны пересказанные в стихах истории, которые в трудную минуту укрепляют мои душевные силы, разжигая мою веру в Божью Мудрость и Красоту Добра. Мне хотелось бы, чтобы они помогли и тебе, чтобы, когда тебе будет неспокойно на душе, они сняли бремя с твоего сердца, а когда ты будешь счастлив оттого, что идёшь верным Путём и чувствуешь Божье Присутствие, прибавили красок твоей радости.

Также в эту книгу включены стихи, написанные в непростой период моей жизни, когда я была тяжело больна и одинока, но продолжала полагаться на Бога и видеть проявления Его заботы и милосердия.

В целом – это книга о том, как важно вовремя разглядеть и принять Божий Промысел, чтобы *не мешать* Богу совершенствовать твою душу и судьбу. А ещё – о том, как внутренняя *Чистота* меняет всё к лучшему.

Те же *ошибки и чудеса*, которые случаются в жизни героев "Историй в утешение", привели меня к пониманию, что есть только одна вещь, без которой жизнь не имеет смысла, и это – *доверие Богу*. Что бы мы ни пытались *осмыслить* без этого доверия, всё – обратится в хаос и похоронит наши светлые черты и начинания в глубине своих ловушек: немедленно – или со временем. И, напротив, наше доверие Богу – даже в крошечном хаосе способно строго и бережно вести нас от самого важного к самому важному, не позволяя заблудиться и погибнуть. За этими высокими словами – множество детских капризов, юношеского бунтарства, искушений зрелости и разочарований старости, но также за ними – множество маленьких подвигов смирения и больших побед над слепым своеволием, и ничто – не зря, и впереди – ещё много-много уроков, слёз, восхождений, прозрений и наград. Много – и потерь, но если мы сохраним доверие Богу как *самое дорогое*, что есть в жизни, оно – сохранит в вечности и всё остальное, что дорого нам. Именно оно – питает лучшие человеческие качества: терпение, рассудительность, ответственность, верность и челове-

колюбие. А по мере возрастания этих добродетелей – растёт и чувство, что каждое испытание, пройденное с доверием и любовью к Богу, может оказаться для нас той гранью, за которой трепетная надежда на Божье Милосердие – навсегда переходит в благодарную уверенность в нём.

Даже будучи наученным и своим опытом, и чужим примером, непросто не ошибаться, милый Читатель. Но если уж мы, увы, ошибаемся, давай использовать этот момент для того, чтобы слова "Бог любит тебя!" – из надписи на лубочных картинках превратились в неисчерпаемо-мироточащую реальность, воцарившуюся после нашего растерянного и жалобного призыва о помощи. Позови – и ничего не бойся. Бог поспешит утешить тебя не только потому, что хочет залечить твои раны, но и потому, что исцеляя твои раны – Он исцеляет Свои. Он не подведёт и не оставит. Близость Его – стоит того, чтобы наперекор всему несовершенству в мире – стремиться к чистому и небесному: в себе, в других – и где-то там, в Вечном Доме. Будь смелым и сильным, мой хороший, а когда очень устанешь, отдай Богу всё, что у тебя есть, и всё, что ты есть, и Он будет смелым и сильным за тебя. *Тебе понравится.*

Тереза

30 июля 2009 г.

часть первая

Истории в утешение

О Губке

Волной *Наплыва* горькою иль сладкою
Захлёстывает губку, так устроилось:
Темней и тяжелей она – со влагою,
Светлей и легче – отдав то, чем наполнилась.

Когда, своею сущностью несытое,
Вбирая чувство и картины новые,
Всё наше сердце – до краёв напитано
Тем, чем прониклись, жаждою влекомые,

Мир может потемнеть для нас – и тяжестью
Встревожить нас, как заболевших вымыслом,
Но легче и светлее – всё покажется,
Как только то, что скрыто в нас, мы выразим.

Когда судьба – вонзит в нас ногти накрепко,
Не будем же роптать – "нежнее, тише бы":
Без этой хватки – до последней капельки
Живую сердца губку – мы б не выжали.

3 апреля 2008 г.

Глухота

Пожаловался к Лекарю пришедший:
"Боюсь, теряет слух моя жена.
Настой целебный надо б ей покрепче:
Зову – не отвечает мне она".

– "Потери слуха степень для начала
Проверить нужно", – Лекарь отвечал.
...Когда спиной к нему – жена стояла,
Её издалека – супруг позвал,

Последовав врачебным указаниям:
"Не сваришь каши, Милая?" В ответ –
Молчание. Уменьшив расстояние,
Муж повторил вопрос. Ответа нет.

Приблизился, чтоб тень – её коснулась,
И вновь спросил: "Так сваришь?" Тишина.
Спросил – над самым ухом. Обернулась
С улыбкой сострадательной жена

К нему лицом, и лишь тогда – он ясно
На просьбу "безответную" свою
Услышал: "Дорогой, *в четвёртый раз* я
Тебе уж отвечаю: да, сварю".

Так, подходя к Создателю всё ближе,
Смещая недоверия черту –
И повторяя: "Господи, Ты слышишь?" –
Испытываем Божью "глухоту".

И лишь когда лицом к лицу с Ним встанем,
Решившись на последние шаги,
Его ответ расслышим – и узнаем,
Что были сами ранее – глухи.

За просьбой "тишина" – казалась жуткой
Не только нам: Тому, Кто говорить
"Да" не устал, но знал, с душой нечуткой –
На расстояние – "каши не сварить".

9 и 14 июня 2009 г.

Пылинка

Однажды в озарённой келье строгой –
До исступленья, до потери сил,
До ливня слёз – монах молился Богу.
"Мой Бог, я никогда, – он говорил, –

Бесплотное – не ставил под сомненье,
Шёл за Твоей незримою рукой...
Пошли мне лишь однажды Утешенье:
Коснись меня! Я раб вернейший Твой,

И если я служил Тебе достойно,
 Чтоб мог и вдохновеннее – служить,
 Одной награды – будет мне довольно:
 Мне дай – Твоё Касанье ощутить!"

И день, и ночь – творил монах молитву,
 И от неё лишь раз – отвлёкся он:
 Затем, чтобы отбросить прочь пылинку,
 Что опустилась – на его хитон.

"Коснись меня..." – взывать продолжил слёзно,
Ладони появления – ожидать...
 Как вдруг – раздался Голос – горький, грозный:
 "Ты просишь то, чего – не смог принять".

– "Но что же было мне – дано?" – *"Пылинка.*
 Я – Солнце Мира, близостью одной
 Моя рука – тебя испепелила б,
 И потому – ей образ дал иной.

Хоть в вере Я твоей не обманулся,
 Твою неблагодарность – укорю.
 Я по мольбе твоей – тебя коснулся.
 Зачем же отвергаешь – длань Мою?"

– "Мой Бог! дай пережить мне это снова,
 Теперь – я всем чутьём в Твой дар вопьюсь!"
 – "Тебе уже – Я дал излишне много.
 Теперь – тебя Я больше не коснусь".

...В рассказе не узнал себя старинном
 О том, кто исполнения просьбы ждал?
 Не относил Бесценное – к соринкам?
 Подарки свыше – прочь – не отметал?

Ты Знаком не сочтёшь – "такую малость";
 Но только быть *небрежным* перестань –
 И ты поймёшь: "ненужное", казалось, –
 То скрытая божественная длань!

Духовный мир – звенит двудонным эхом,
 Двухзначно – всё, вплетённое в судьбу:

Что кажется изъяном иль помехой –
То может быть ответом на мольбу.

Прислушивайся и – к песчинке малой,
Посредницей великой – станет пусть,
Чтоб то, чего ты жаждешь, не сказало:
"Прощай, тебя – я больше не коснусь".

12 октября 2007 г.

Переправа

Мне рассказали притчу, мне светло...
Шёл человек по жизни – крест нёс божий.
Он сознавал: не древо тяжело,
Но долгая бесцельность этой ноши.

Сам думал о себе, что не силён,
Рыдал не раз и рот кусал от гнева.
Но божье бремя с плеч – не сбросил он
И с ним дошёл до самого Эдема.

Его ждало – всё *главное*, всё то,
Что видишь – и усталости не чувствуешь.
Но путь переградил – реки поток:
Той, что ни вплавь, ни бродом не минуешь.

И через воды – крест, причину слёз
И сам вопрос о пользе безответный,
Он перекинул – как *надёжный мост*,
И по нему – прошёл на берег светлый.

И я – хочу к подобному мосту,
За Пустоты и Тяжести преграды.
Не знаю, для чего – мой крест несу,
Но мне так близок – образ Переправы...

Не говори, что выбор – вдалеке,
Что долог путь – до истинного чуда.
Всё менее уж зная – о Реке,
Те берега – я вижу и отсюда.

*ночь 16 – 17 июля 2006 г.,
редакция 05.02.2011 г.*

Притча о морях по колено

Когда – так много целей, столько планов,
Кому – порыв душевный не знаком:
Отправиться путями великанов,
Моря – пересекающих пешком?!
И, зная про опасности, к такому
Кто не стремился *росту*, чтоб, мечты
Ловя – и вдруг шагнув в подводный омут,
Не захлебнуться – глянуть с высоты?

— // — // —

Мой добрый друг – дорогой шёл морскою
И верил, что на вырост – та дана.
И он тянулся к небу – с силой тою,
Что скалы – сорвала б уже со дна!
Он был всё выше – и он шёл всё дальше,
Не глядя на попутчиков и вспять.
Однажды – он вздохнул в унынье: "Как же?!
Уж вех мне путевых не сосчитать,
И ежедневно – *росту* прибавлялось,
Но море, точно веры лишено,
Как по колено было, так осталось,
Хотя до стоп – мне доходить должно!"
Сочувствия он ждал своей недоле,
Но я, морская чайка, жрица волн,
Смеясь, ему сказала: "Ты – давно ли
Смотрел вокруг? Ты, *ростом* увлечён,
И не заметил сам, что постепенно
В ту глубь зашёл, какой – не знал ещё;
Тебе-то море, вправду, по колено,
Но погляди: другим-то – по плечо!"
– "Ах, вот спасибо, чайка, птица счастья!
Теперь – я достижения вижу сам!"
И зашагал он, под ноги не глядя,
Уверенно и дерзко – по морям!
Вразлёт – фонтаны брызг, покровы бликов!
Подошвы – топчут пены облака.
Вот – радостно кричит он мне: "Взгляни-ка,
Я по воде – как посуху! Аа-га!"
(Быть может карлик – сведущ в далей тайне,
А великан – быть в сердце малышом...)

– "Ну что тебе на то – ответить чайке,
 Чтоб ты – в неё не бросил башмаком?
 Сравнение одно – другим не равно,
 И наша мера – не всегда права.
 Ходок морской, заметивший внезапно,
 Что омывает стопы глубь едва,
 Хоть было время – волны достигали
 Твоих колен, чтоб не утратил цель –
 Не радуйся, что *вырос*, а вначале
 В том убедись, что не забрёл на мель!"

15 февраля и 14 марта 2007 г.

Жабы

Сказали жабы: "Тина – так сера...
 В болоте скучном – хляби – что гробницы...
 Нас новая развлечь должна игра.
 Что ж... отчего б – не полетать, как птицы?"

Туда, где блещет неба синева,
 Давно они глаза не возводили –
 И птичий облик помнили едва,
 Но кое-как – полёт вообразили.

Трагикомичны были – взмахи лап,
 Скачки по отраженьям туч меж кочек...
 И всё ж – напались "крылатые" среди жаб,
 Кого в пример поставили всем прочим.

И в играх напрочь – позабыв своих,
 Что приняли на веру – небылицы,
 Одни вздыхали жабы – о других:
 "Куда уж нам – до них, ведь это – *птицы!*"

Но образ ключевой – и в глушь болот
 Ворвётся, о себе напоминая.
 Так над зернистой гладью мутных вод
 Однажды – пролетела птичья стая.

И, привлечён неожиданным плеском крыл,
 Взгляд поднял жабий мир – на это диво.

И каждый – об увиденном судил...
– Вы поглядите, как летают криво!

– Взмывают крылья – не под тем углом,
Отсюда видно. – Клин – совсем не строен!
– Вот смех: ошибки – делают во всём!
– И это – птицы?! Нужно – быть слепцом!
– До *истинных*, до *наших* – далеко им.

— // — // —

Ты улыбнулся, но – порой с *болот*
Мы сами судим – о небесном храме.
Фальшивой меркой – подлинный полёт –
Не часто ль – измеряем – и мы сами?

Как в топь, нырнув в сомнительный успех
Своих ролей, в речах об Идеале,
Забыв Исток, – мы принижаем тех,
Чьей высоте – неловко подражали...

10 мая и 11 октября 2008 г.

Гора

Сын, восхищён рассказами, в которых
Герои – достигали высоты,
Мечтал давно – с отцом подняться в Гору,
И тот – осуществил его мечты.

– "Сегодня – отдыхай, – велел он сыну, –
И собирай на завтра силы впрок:
Я отведу на самую Вершину
Тебя, но ты – дитя, а путь – далёк".

– "Я не устану!" – сын сказал, но вскоре –
Уже не веря сам своим словам,
Под солнцем – каменистою тропой
Шёл за отцом, теряя счёт часам

И мысленно – стремясь не меньше – к дому,
Чем к месту, где лежит небес порог.

Растративший за путь один ко склону
Все силы, что – для склона приберёг,

В том самому себе – стыдись признаться,
От восхождения – он – не ждал добра,
Но, слабым не желая показаться,
Спросить не смел, уж близко ли – Гора,

И только ждал с надеждою мгновенья,
Когда она – покажется вдали.
Как мог – своё он спрятать изумленье,
Услышав вдруг – "ну вот мы и пришли"!

– "Отец, ты передумал?! Не шути же
Со мной, раз обещал мне – так веди.
Горы – на горизонте я не вижу,
Но я уверен, я – смогу дойти".

И проводник его – заулыбался,
Рукой – сыновьи потрепал вихры:
– "Ты всю дорогу – в Гору поднимался,
Но склон – такой пологий у Горы,

Что ты и не заметил – восхождения.
Мы – на Вершине самой. Наш поход –
От нас большого требовал терпенья,
И я – твоею выдержкою горд".

...Порой – сбивают с толку нас просторы,
И, с высотой связав – отвесный хоам,
Хотя уж неуклонно всходим в Гору –
Мы всё момента ждём, когда начнём

Отчаянно взбираться на Вершину,
Карабкаться – туда, где солнце ждёт,
Лицо ему навстречу запрокинув...
А нужно – просто двигаться вперёд.

16 июля 2008 г.

Состязанье

Устроили однажды состязанье:
В нём добровольцев дюжина должна
Была взобраться по стене из камня,
Что начисто зацепок лишена.

Толпа – шумела: "Чересчур опасно!
Неодолимо – этот мур высок,
Отвесен слишком! Приговор – сорваться –
Один для всех, один над всеми – рок.

Невыполнимо – данное задание!"
...Одни из тех, что Лучшими звались,
Раздумали идти на испытанье,
Другие – в самом деле, сорвались

К ногам зевая, что разом – возгордились
Пророческим талантом, подняв гул...
И третьи – осторожно вниз спустились,
Признав, что страх – толпу не обманул.

...Что стены пред тобой – непокоримы,
Услышав, ты – тревожишься? Постой!
То не конец – истории старинной.
Один Соперник – всё ж достиг Вершины!
Глухой.

вечер 3 ноября 2007 г.

Убежище Святого Феликса

С мечтательным волнением, с тревогой,
Ранимостью подёрнувшей уста,
Но счастью – больше, чем покой, подобной,
Мы говорили в Храме, что когда

Доверчиво ладонь – рука сжимает,
Доверчиво дыханье – ловит слух,
Как нимб Неприкасанья – возникает
Убежище незримое вокруг

Невинных – неизменно и мгновенно.
Но, сотканы из прожитой тоски,
Так ветрены невидимые стены,
Так ласково-изящны и тонки,

Что веровать в защиту – нелегко.
Тогда Святой Отец, не молвив слова,
Нам указал на тѣзки своего
Икону, образ Феликса святого.

И вспомнили, что было с тем, когда –
Без страха, но в безумии печали –
Спасался бегством – от врагов Христа,
Что гибели предать его желали.

Пытался он укрыться от мечей
За валами камней, стенами града,
За тяжкими потоками ветвей,
За матовой стеною водопада.

Но, даже не оставив на земле
Отметин бегства, самой глубию крови
Он чувствовал дыханье взявших след
И слышал приближение погони.

Не пожелавший Смерти уступить,
Признать её решенья (скороспешны!), –
В отчаянии он решил искать
В горах – последний, слабый луч надежды.

И на тропе, идущей между скал,
Он говорил: "Мой Бог, Тебя доньше
Незримою защитой я считал.
Но, утомлѣн попытками пустыми

Убежище найти, в сомненье стал
Я веру вспоминать свою. Ты видел:
Какой бы твердью – жизнь не ограждал,
Не знал я безопасности укрытий.

Когда – ни древних валунов гряда,
Ни лабиринта городского соты

Меня – не скрыли, смерть – найти могла,
То как спасёт – прозрачный знак заботы,

Тончайший символ? Дух Твой – потерять
Не дай мне. В Чудесах – Себя Ты славишь;
Для той хвалы – молю мне доказать,
Что если Ты, мой Бог, защиту даришь,

Ей не нужна – твердыня скал мирских,
Надёжность мура, высота порога,
Стальная сеть, – так могут быть легки
Твои ограды, что дрожат от вздоха,

Но не дают проходу – вечной мгле,
Идущей по следам, несущей муку.
Вот ниша неглубокая в скале,
Я встану в тень её, и будет руку

Врагам Твоим довольно простереть,
Чтоб острый меч – моё плечо затронул.
Я буду ждать Тебя – теперь и здесь.
Спаси меня *тончайшею* заслоной".

И в нишу скрывшись, в тень скалы нутра,
Беззвучно продолжал беглец молиться...
Погоня приближалась... И тогда
С нависшей над тропею шелковицы

Спустилась стая чёрных пауков
И вход в укрытье – с прилежаньем ярым
Завесила дрожащим от ветров,
Но неразрывным – лёгким покрывалом.

"Такую сеть – паук не скоро сплёл, –
Сказал начальник стражи. – Дальше в горы
Пойдём, здесь нет его: он не прошёл
Вглубь ниши б, не сорвав при том узоры".

И знаю, твёрдо знаю я, друг мой,
Нас так же – Зло смертельное не стало
Искать за невесомой красотой,
Всею *Тонкостью*, ведь миру – жизни мало

Своей, чтоб для других её создать,
А мы – укрыты *Чудом*, Зло не знает...
Позволь твои ладони мне пожать,
Сосед мой по прибежищу! Пусть дарит

Другим надежда – из камней щиты;
Чтоб тех укрыть, что перед ней – невинны,
Довольно нежной веры чистоты,
Что за щитами Бога – нет беды,
Коль тем присуща – хрупкость паутины.

16 и 20 октября 2005 г.

Сerp

Горюют дети: "Ах, Луна сломалась!
Неловок был с ней – ветер в небесах!
Лишь тонкая полоска и осталась
От золотого круга в облаках!"

То – малыши, им знание не по росту,
Что в небе – *та же*, прежняя луна,
Что в полной неврежденности – и просто
Со стороны одной освещена...

Но мы-то! Мы давно уже – не дети!
Но с той же смесью горя и тепла
Мы плачем о Любви своей, заметив,
Что якобы – на убыль та пошла,

И паникуем: "Мы – её сломали!"
А между тем – обманчив – сердца взгляд:
Любовь – *всё та же*; так – лучи упали,
А скоро – по-иному озарят.

Как взрослые – любуйтесь лунным светом.
Была б Луна, лирический алмаз,
Не так близка – Влюблённым и Поэтам,
Когда бы не имела – столько фаз...

15 марта 2008 г.

Грязные Следы

– "Мой Бог, вселивший странствия истому
Во дни мои, когда – ступала вспять?!!
За что Ты дал мне – *грязную дорогу*,
Коль Чистоту – велишь мне постигать?!

Какие – позабыла я уроки?!
Какой мой шаг – Тебя столь прогневил?!
Зачем отвёл мне – *грязные дороги*,
Омывшей стопы – в собственной крови?!

Смотри, я Твоему послушна зову:
Иду – на Твои жажды, слёзы – пей!
Что ж не очистишь – *грязную дорогу*
Для торопливой поступи моей?!"

– "Зачем с упрёком – думаешь о Боге?
Всего важней – Мне путников судьба.
Я видел, что грязна – в полях широких
Ведущая навстречу Мне тропа.

Любимое Дитя, ты утождала
Своею целью Мне – все дни свои.
Так дорог Мне твой путь, что насаждал Я
Дороги вдоль – ромашки, васильки,

И клевер, пчёл не ведающий гула,
И лилий незапятнанных ряды.
Куда бы ты с тропинки ни свернула –
Ступила бы в прекрасные цветы.

Но, стоя посреди полей прекрасных,
Ты вновь – ступаешь в грязь: "Сам посуди,
Идти бы мне – подолов не измазав,
Но, право же, ведь *негде обойти*".

– "Мой Бог, я сознаю Твою заботу,
И также не слепа – моя тоска.
Я знаю, что цветов вокруг – без счёту,
Но не хочу измять – Твои луга.

В грязи, брезгливо – подбирая платя,
 Пойду, но в мире, созданном Тобой,
 Вовеки – не посмела б запятнать я
 Покров чистейший – плоти луговой.

Но для чего *грязна* – моя дорога?!
 Зачем не дал ей – луга чистоты?!"
 – "Да, на цветах невинных – ещё долго
 Ты оставляла б – грязные следы,

Но коль другие – на лугу блуждали б
 Излишне беззаботно, – проходя
 Близ пятен следа, – то по ним узнали б,
 Что рядом – топь. *Ступай на луг, Дитя*".

12 июня и 4 сентября 2005 г.

Притча о Несших Камни

В одном Краю, названия – не знаю
 Которого, так долго – шли дожди,
 Что всем велели – принести по камню
 На берег, чтоб плотину возвести.

А Бог, что век от века любовался
 Работниками, труд – велик иль мал,
 За тем, чтобы никто не надорвался,
 Следить – незримых Ангелов послал.

Два жителя – отправились путями
 Двумя к реке, к разлившимся волнам,
 И каждый – терпеливо нёс свой камень,
 Но лишь один – смотрел по сторонам.

И "мне, как видно, твоего полегче,
 Давай свой груз, тебе я помогу",
 Чужому камню – подставляя плечи,
 С ним шедшему сказал он старику.

И, женщину ослабшую заметив,
 Как будто прежний груз его – был мал,

"Я камня два понёс – возьму и третий," –
С улыбкою попутчице сказал.

И позже – захромавшим на распутье
Кивнул, с лицом в солёной пелене:
"Мне тяжело и так, пускай уж будет
Хоть вам легко, отдайте ношу – мне".

Рвалось на лоскутки – его дыханье,
А путь дальнейший был – тернист и крут.
"По силам ли – я выбрал испытанье?" –
Подумал, пошатнувшись, он. И тут...

"Да ты на плечи – целую плотину
Взвалил, а я – лишь камень. Погоди,
Своих камней – отдай мне половину", –
Сказал – с ним поравнявшийся в пути.

И "недосмотр: тяжесть – двое взяли
Такую, что клонятся до земли",
Долг выполняя, Ангелы сказали –
И сами – все их камни понесли.

А тот, с кем рядом – люду шло немало,
Но не слышал никто – "дай помогу",
Смог с плеч своих, с досадою усталой,
Свой сбросить камень – лишь на берегу.

23 апреля 2008 г.

Горбун

"Эй, господари, чья жена
Приплода ждёт, скорей
Травите псами Горбуна,
Он глазит сыновей!

Эй, дети, скучен бедный дом,
Но вот вам – яркий сон:
Бегите вслед за Горбуном,
Крича, как страшен он!

Эй, нищие с канавы дна,
Злость выместить черёд:
Бросайте камни в Горбуна,
Пусть наземь упадёт!

За то, что с нами он не схож,
Заплатит нам урод:
Встряхнём его, чтоб выпал грош,
Что с Паперти несёт!"

Но вот – иссяк тех пыл забав,
От Горбуна – ушли:
Ста каблуками истоптав,
Оставили в пыли.

Потехи новой ждёт народ,
А ветром донесло:
Хромая девочка пройдёт
Вот-вот через село.

Ах, показалась вдалеке!
И каждый – камень взял.
Уж вертится на языке
Рой ядовитых жал.

Огонь терпеть невоготу
Пудовым кулакам.
И все "ату её! ату!"
Готовы крикнуть псам.

Добро людское – на мели,
Прибой – лишь плети вьюн...
Чутьём истерзанных – в пыли
Почуял то Горбун.

Вновь поравнялся он с толпой,
Моля, взывает к ней:
"Вернитесь! смейтесь – *надо мной*,
Ведь я – куда страшней!

Она – дитя, те – всё равно
Милы, хоть есть – изъян:

Вам будет даже не смешно!
На мне – так мало ран,

Мог принимать бы от господ
Я – плети день-деньской,
Она – от первой же умрёт.
Ну, смейтесь – *надо мной!*"

А Горбуну – на то в ответ:
"Та шутка не смешна,
Что повторится, нет, нам бед
Желанна новизна!

Ты – стал нам скучен. Чтоб горяч
Был снова – смех души,
Свой долу сбрось дорожный плащ
И горб нам покажи".

Стыд – Горбуна зажал в тисках...
Слаб – униженья стон...
Но видит – путница близка,
И также – видит он:

Вот-вот прольётся – дождь камней
Из тучи тёмных чувств,
Собаки – рвутся уж с цепей,
А яд – с жестоких уст.

Губами шевеля едва,
Несчастный прошептал:
"Сорвите сами плащ с горба", –
И на колени пал

Под бременем чужих когтей,
Вонзившихся в покров.
Но вдруг – стал шире круг людей,
Шум глуше – голосов...

И все – бледны, как полотно,
А взгляд – пуглив, как лань.
Как странно смотрят на него
Отбросившие ткани!

Горбун – увидеть сам не мог:
Той жертвы приняв след,
Как старый кокон – треснул горб,
А из него – на свет

Пробились белых два крыла,
Два ангельских крыла...
К стоящим, обмерев, – тогда
Малютка подошла,

Уж не хромая – над землёй
Ступая. Горбуну
Былому – молвила: "Со мной
Пойдём – в твою страну.

Теперь, когда ты стал собой,
Нас ждёт Господний Сад.
Навек закончен – путь земной.
Дай руку мне, мой брат".

Когда, очнувшись ото сна,
Что длился много дней,
Похоронили Горбуна
Под грудой камней,

Соседа спрашивал, шепча,
Кто признавал вину:
– "Ты видел то же, что и я?"
– "Молчи, сосед. А ну,

За эти рассказы – и нас..."
А потому – на том
И завершается рассказ
О Горбуне святом.

20 сентября 2006 г.

Сказка о Чистой Горенке

Однажды Принц – послал своих гонцов
С известием к Невестам знатым Царства:
"Несите все мне нынче – грязь и сор,
Какие в доме – намести удастся.

Которая – всех больше принесёт,
Со мною трон разделит". Все девицы,
Едва им зачитали – свиток тот,
Мести до блеска бросились светлицы.

И во дворец – *мешками* сор и грязь
Те белоручки-неженки носили,
Что веселились годы, не трудясь,
И чистоту в домах не наводили.

"За власть не так уж велика цена, –
Шептались, – как могло бы показаться".
И каждая – была убеждена,
Что вправе – Королевою назваться.

И в горенке столь бедной, что туда
Гонцы – и заглянуть не пожелаали,
Где жили, радость – находя в трудах,
И сроду – лучшей доли не искали,

Услышала девица от подруг
О том – и воле Принца подчинилась:
"Что, коль и я – соринка соберу?"
И вскоре – во дворец она явилась,

И перед Принцем – в залы глубине
Не мех тугой – ладонь свою раскрыла:
– "Я знаю, что награда – не по мне,
Но послужить тебе – мне в радость было.

Мне не дано понять твою нужду
В грязи и соре, но – я доверяю
Предчувствиям моим, что в Красоту
Ты превратишь – и этот дар. Я знаю,

Здесь две соринки лишь... Не намела
Я больше для тебя, как ни старалась.
Но ты – *просил*, и разве я могла
Не предложить тебе – хоть эту малость.

Всегда храню я в доме чистоту,
И от него тебе – не много проку,

Но прикажи – весь город подмету,
Чтоб мех наполнить, каждую дорогу".

Расхотелась девушек толпа,
Что принесли с собою – тлена горы.
А Принц, услышав нищенки слова,
Сказал ей нежно: "Мне – не нужно сора."

Всё это – Испытанье. Я – хочу,
Чтоб наполняла мир мой чистотою
Избранница. Ты – та, кого ищу.
Ты согласишься стать моей женою?"

Был – изумлённый вздох, и лепестки
Ресниц густых – взволнованно раскрылись.
И плавно две соринки из руки
Упали на паркет – и растворились...

Пред теми же, кто в мыслях – примерял
Корону, кто от чувства – утопала
Под сором тень его – торжествовал,
Захлопнула резные двери зала.

— // — // —

Мир говорит, что ближе к трону – тот,
Кто ни во что – дар *чистоты* не ставит,
Кто больше у себя грязи найдёт
И, как заслугу, всем её предъявит.

За первенство такое – не борись,
Оно – твои обманет ожидания.
Одну минуту – или же *всю жизнь*
Земную – длится это испытанье,

Но незаметно – срок его пройдёт;
Глядишь, а век уже – всё подытожил
И тем венец хрустальный подаёт,
Кто в чистоте – изгнания пору прожил.

Тень "царственность" измеривших своей
Любовью к сору – только прах на ветер.
В тот самый час, когда всего сильнее
Они в своей уверены победе

И королевским – жребий свой зовут,
За дверью в край, что светел и прекрасен,
Уже распоряжение отдают
Дворцовой страже – гнать их восвояси.

А кто свой дом считает чистым сам,
Но всё ж проникся *завистью* к мешкам
Той грязи, что "путём к венцу" зовётся,
Пусть пометёт получше по углам,
И у него – не меньше наберётся.

9 апреля 2009 г.

Повесть о Шалаше

Один корабль – потерпел крушение.
Когда распались праха облака,
На острове безлюдном, в отдаленье
От трасс торговых и материка –

Единственный при шторме уцелевший,
Не веря тишине, открыл глаза
И, даже ран ещё не осмотревший,
Решил за жизнь бороться до конца,

Не уступая духа сил – печали.
И для того он сделал – всё, что мог.
Все те, что когти волн – не растерзали,
Пожитки – из обломков он извлёк;

Трудами руки – истерев до крови,
Занозами изжалив – до локтей,
На берегу шалаш себе устроил
И настрогол из дерева вещей

Для быта. Обустроивший помалу
Свой дом, с лица – седьмой стеревший пот,
Поверил он: опасность – миновала,
И час пришёл – вкушать плоды забот.

Впервые – отдохнуть себе позволив,
Довольный, он, чтоб свой украсить кров,

Перевязав кровавые мозоли,
Вглубь острова пошёл – собрать цветов.

И только их нарвал, как разразилась
Гроза. Он ждал под скалами, пока
Под небом вновь тепло не воцарилось.
А возвратясь – в гирляндах и венках –

Туда, где буря – всё с песком смешала,
Порядок в доме – навести спеша,
Увидел он, что молния попала
В его жилище: вместо шалаша –

Осталась горстка – золотого тленья,
И с шалашом – сгорели без следа
Все вещи, что на берег – в день крушенья
По милосердию вынесла вода,

И все, что смастерил он так прилежно...
И, уронив цветочные венки,
Он, как дитя, заплакал безутешно,
Упав ничком – на пепел и пески.

– "Мой Бог! – рыдал он. – В страшную минуту –
За этим ли – я рук не опускал?!
За что?! Хотя мне – не выбраться отсюда,
Я на Тебя – ни разу не роптал!

О, разве я не выказал смиренья,
И разве терпелив – мой не был труд?!
Но вот – всё то, что нужно для спасенья,
Ты отнял у меня, и я – умру.

Что корабли – не входят в эту заводь,
И чайкам-то – известную не всем,
Я *принял*, но – Ты мог бы мне оставить
Хотя бы – мой шалаш!!! Зачем?! Зачем?!"

Но сила духа – вновь возобладала.
Размазывая слёзы по щекам,
"Ну что ж, – вздохнул, – пора – начать сначала
Борьбу за жизнь", – и поднялся с песка.

В прибой – сметать золу он начал слабо...
И вдруг... Не веря, он – потёр глаза...
К затерянному острову – корабль
Товарный шёл, все подняв паруса!..

...Уже взойдя на борт, отплыть готовый
В свою страну, к заждавшейся – родне,
Спросил он: "Капитан, ведь путь торговый
От острова проходит в стороне...

Как Вы нашли меня, откройте тайну".
– "Да как же? Курс держа к материку,
Я дым увидел и огонь *сигнальный*,
Который Вы зажгли на берегу".

4 и 14 июня 2008 г.

В Пути

Зимним вечером, стужей звенящим,
Звёзд не в силах терпеть немоту, –
Печь топили монахи в стоящем
На окраине леса Скиту.

И когда – все истлели поленья
Так, что прах бы – вместился в горсти,
Инок юный – спросил позволения
Сучьев из лесу в дом принести.

"Ты заблудишься, – Старец ответил. –
Тонет в мраке – и самый порог.
Ты отправишься в лес на рассвете,
За ночь мы не замёрзнем, даст Бог".

Все уснули, и белым дыханьем
Холод – окна приюта обвёл,
И, забывший про долг послушанья,
Тайно юноша в чашу ушёл.

"Я недолго, туда – и обратно,
Старцам немощным – нужно тепло".
Только в зимней ночи – всё обманно,
А дорогу назад – замело.

Понял юноша: он – заблудился,
Канул – леса холодного край.
На колени упав, он взмолился:
"Добрый Отче, глупца – не карай!"

Обещаю, я – буду послушен
Все Тобой отведённые дни.
Сохрани, Милосердный, мне душу
И, по благодати, жизнь – сохрани".

Так молился он пламенно Богу –
И сказал: "Моя вера – сильна.
Наугад – я ступлю на дорогу.
Пусть *кратчайшею* – будет она".

Сквозь жестокую вьюгу, сквозь ветер,
Что – как демонов рой завывал,
Долго брёл он... И лишь на рассвете –
На порог долгожданный упал.

Прошептал он: "Создатель Пресвятой,
Как я звал: укажи мне – мой дом!
Почему – моей просьбе не внял Ты,
Не провёл меня *кратким* путём?!"

Ты отверг – на Тебя упование
В час, когда – прогремела беда.
От бессилья – терял я сознание
На пути. Где же был Ты тогда?!"

Тихо в воздуха утреннем звоне
Добрый Голос – ему отвечал:
"Я, Дитя, твою просьбу исполнил,
Но во мраке – ты просто не знал,

Как *зашёл далеко* – в эту чашу,
Как блуждал – прежде знака креста.
Путь, которым Я вёл, был кратчайшим:
Втрое меньше – пути от Скита.

Но тебе – не хватило бы силы
И такой одолеть. И в снегах –

В час, когда – без сознания был ты,
Я тебя – нёс вперёд на руках".

29 декабря 2008 г.

Домик в подарок

Мы с другом – сцену видели недавно,
Которую – никак – забыть нельзя.
Сын – попросил из спичек дом в подарок,
Отец – решил порадовать дитя...

Сказал он малышу: "Займись делами,
Стол не шатай с "монтажными лесами",
Пока я мастерю тебе – твой дар".
Но сорванец – вертелся под руками
И торопил: "Ну скоро? ну когда?" –

Не понимая – сложности расчёта
Постройки. За стеной – росла стена...
Когда же кропотливая работа
Отцом – была почти завершена,

И лаком закрепить – осталось "брёвна",
Чтоб не распался – при касанье – дом,
Капризно вскрикнул сын: "Ну, что так долго?!" –
И по столу ударил кулачком...

На миг один – глаза отца померкли,
И по губам – прошла волною дрожь.
Кивнул он сыну – на руины цели,
Но что с дитяти горького возмёшь.

Свою работу – начал он сначала,
А мальчуган – всё хныкал: "Дом хочу!
Ну где?! ну где?! ну ты же обещал мне!
Я так и знал, что я – не получу", –

Не видя, что в терпения минуте
Был от подарка, от своей мечты.
...Тем вечером, молясь – о божьем чуде,
В какой-то миг душевной пустоты –

Уже "ну где?!" – мы хныкать начинали,
Да вспомнили, как наши "кулачки"
Неоднократно – по "столам" стучали...
И только прикусили языки.

22 июня 2008 г.

Джинн в бутылке

Когда у моря – на восход смотрела,
Бутылку с джинном вынесла волна.
И так и эдак – склянку я вертела:
Вполмеры или доверху – полна?

И есть ли в ней – марионетки нитки?
И есть ли сила – Аладдина ламп?
Ах, вот она, удача! – на бутылке
Написано узорно – слово: *раб*.

Напрасно я предвижу смерть покою,
К благоразумью поводы ищу.
"Бывает – в жизни раз! А ну, открою!
Открою – и награду получу!

От всех добыч ракушек без жемчужин
Я так устала, как от чаш без вин.
Но в чудотворном рабстве – мне услужит
И жемчугов, и лоз богатых джинн!"

Итак, оно пришло – то время тайнств,
Когда мне будут – мантии к лицу.
Сосуда житель – жив ли, убеждаясь,
Находку я встряхнула на весу.

Джинн зашипел, сверкая изумрудом,
И, не успела – ощутить испуг,
Бурлящую бутылъ с желанным чудом –
Вор проходящий выхватил из рук.

Я отступила, лишь смотря – с укором,
Не протестуя: "В князи – из низин?!"
Себе дороже – связываться с вором:
Век не отмоешь – этих битв грязи.

И тихо в стороне стояла, плача:
 "Увы мне, я бедна – была всегда,
 Впервые – улыбнулась мне удача,
 И ту – немедля выкрали! Беда..."

Тут вор, как разрушая лав плотину,
 Сорвал заговорённую печать,
 Хозяйское "служи" – промолвил джинну.
 А джинн – спросил: "Умеешь ли – читать?"

– "Ты – раб мой, тут написано". – "Неужто?
 Размыта надпись – али зреньем слаб?"
 Тогда глаза сощурил вор поуже
 И прочитал: "Кто выпустит – мой раб".

23 августа 2006 г.

Притча о Равенстве

(по мотивам рассказа святой Терезы Младшей)

Один Ученик спросил своего Наставника: "Учитель, почему одни люди – получают от Бога большой дар, а другие – меньший? Разве не желает любящий отец одаривать своих детей в *равной* мере? И равны ли перед Богом тот, кто одарён в большей мере, и кто одарён в меньшей?"

Наставник взял две чаши, большую и маленькую, и наполнил обе водою доверху:

– Скажи мне сперва: в которой из этих чаш больше воды?

– В той, что больше, Учитель.

– Верно. А которая из этих чаш полнее?

– Обе чаши – наполнены доверху. Они равны.

Затем Наставник опорожнил чаши и наполнил их равным количеством воды, так что маленькая чаша – оказалась полной до краёв, а большая – до половины:

– Скажи мне теперь, какая из чаш полнее.

– Та, что меньше, – был ответ Ученика. – Она полна доверху.

– В которой же чаше больше воды?

– В чашах одинаковое количество воды, Учитель. Они равны.

Тогда Наставник сказал: "Полнота дара зависит лишь от того, какую меру его мы способны принять. И в этом – мы все равны перед Богом".

7 апреля 2007 г.

Две Вишни

*(по мотивам притчи, рассказанной
Святителем Николаем Сербским)*

Решил две Вишни на земле своей
Садовник посадить. Одна – сильнее
Была, другая – тоньше и слабей.
И, занявшись обычно своею

Работою в саду, услышал двух
Деревьев голоса. Та, что покрепче,
Потребовала Вишня – сотню слуг
Ей заменить – и всем идти навстречу

Желаниям её. С лучом в листах –
Вторая Вишня, ласково кивая,
Сказала: "Мой Хозяин, сделай так,
Чтоб добрые плоды – тебе дала я".

Садовник чутко – тем словам внимал.
Рукой – стволов пригладив позолоту,
"Вы дороги мне обе, – он сказал. –
Вам обещаю равную заботу.

Что у меня попросите – то дам,
Не жаль мне ничего – для блага сада".
И не было конца его трудам
С минуты этой, ибо, власти рада,

Командовала Вишня, что сильней,
Садовником – всё чаще и всё вздорней.
Она распоряжалась – то "полей",
То "побели", то "окопай мне корни",

То "заслони от солнца", то "во мрак
Не отпускай меня – без покрывала".
А слабая – лишь тихо "сделай так,
Чтоб добрый плод дала я" повторяла,

Заботам всем покорна – и светла.
И вот настало время Урожая.
Сказала Вишня, что слабей была:
"Благодарю, плод добрый – принесла я.

Сдержал ты слово: все дела твои –
 Моим корням вернули – жизнь и силы.
 Мои клонятся ветви до земли,
 И доверху – наполнишь ты корзины".

А Вишня та, что тёплой порой
 Садовнику – приказы отдавала,
 "Что, бессердечный, сделал ты со мной?!"
 Ведь я – почти засохла! – причитала. –

Больны и ствол, и ветви, а плоды –
 Испорчены! За что – меня караешь?!"
 – "Я делал всё, что говорила ты, –
 Сказал Садовник. – Но ведь ты не знаешь

Всего, что знаю я – о деревцах.
 И всё-таки, ты мне – не доверяла.
 Заботы о себе, не о *плодах*,
 Просила ты, а той, что получала,

Желала больше, чем могла принять.
 И ты – ещё винишь меня?"

— // — // —

...Я знаю,
 Что мне б, кивая ласково, сказать:
 "Дай то мне, что на пользу Урожаю,

Садовник мой". А я – всё верещу
 Листвой своею, всё – не перестану:
 "Того хочу – и этого хочу,
 Не дашь – смотри, назло Тебе завяну!"

Прости, Твоим довериться трудам
 Я не могу, капризная, всецело.
 Но Ты – *не слушать* можешь листьев гам
 И делать то, что нужно. Так за дело!

12 апреля 2009 г., Пасха

часть вторая

Гефсиманская Веточка

Гефсиманская Веточка

Спокоен Гефсиманский Сад ночной,
Но я дрожу, я, веточка-рука...
О, плачущий, я плачу над Тобой.
Ты примешь в утешенье – светлячка?

Лелея умиления абсолют,
Я обвивать могла б Тебя всегда.
Я знаю, что жестокие придут,
И я стыжусь – подобьем быть кнута.

И я веду погасшим звёздам счёт,
Но от одной – по-прежнему светло.
Ты так прекрасен, и Твоё плечо
Готово для креста и так бело.

И вот уже неловко я тянусь
Погладить, ободряя, по холсту...
Я знаю: извернусь – и преломлюсь,
И упаду на землю, в темноту...

Но – ласка – и надлом – и пыль камней...
На миг один, теряя – рощи кров,
Быть может, я была Тебе нужней,
Чем дремлющих слова учеников...

Когда придут с оружием в этот Сад,
В тени коварно пряча – холод лиц,
Подошвами сандалий – превратят
Меня в три сотни маленьких частиц.

И хлопьями растерзанной струны –
Твои следы опутаю, как сеть.
Но, помня все пророческие сны,
Как буду я томительно жалеть,

Что, увенчав святого Короля
Терновою короной у креста,
К плетенью – не прибавили *меня!*
Я спрятала б шипы – в своих листьях,

И жилки охладила бы висков,
И славой шелестела у чела,
И оградила очи от плевков,
И капли пота – чутко вобрала.

В Твоих слезах, в пыли земной, во мху,
Древесный прах, разорванная нить,
Я плачу, потому что не могу
Ещё раз – утешеньем послужить.

Но вот – я слышу Голос Твой: "В Раю –
Мне будет важно, заняв Свой Престол,
Не забывать вовек – Борьбу Мою,
Что Я – последней ночью смертной вёл.

И чтоб напоминал Мне листьев шум
Об этом, Я в эдемской плоть земли
Своей Рукой – тебя пересажу,
Растоптанная веточка в пыли..."

27 февраля и 20 мая 2008 г.

Ниточки

– "Боже, как грустно – смотреть на *обрывочки*;
Боже, за что я Тобою наказана?
Боже, зачем Ты порвал эти ниточки?!
С ними играть – мне было так радостно.

Я нанизала б на ниточки звёздочки,
К сердцу пришила бы крепкие латочки,
Там, где растут мои белые розочки,
Я от зверей – оградила бы грядочки.

Были бы узы с Тобою надёжные,
Эти сплетенья – меня утешали бы.

Боже, ведь ниточки – были *хорошие*.
Разве они – Тебе помешали бы?"

– "Милая девочка, ты не наказана;
Я ли с тебя – не сдуваю пылиночки?
В играх своих, по-младенчески радостна,
Слишком опасно – запутала ниточки.

Ты задохнулась бы в петельке звёздочек,
Сердце тугой *исказила* бы латочкой,
Прежде зверей – об ограду для розочек
Ты бы споткнулась пред самою ямочкой.

Как сохранить тебя – знаю не лучше ли?
Ты ведь так редко – слышишь подсказочки.
Я подарю тебе ясные лучики,
Будут со Мною – надёжные связочки.

А чтобы досуха – вычерпать слёзную
Горечь (подумай, а было б – не горше ли?),
Я *признаю*: прежде, чем – стать угрозою,
Ниточки вправду – были *хорошие*".

22 октября 2007 г.

* * * *

Ветер двузначности – шумной играет листвою,
Жилки терзая, но грезя – о благоговенье:
В кронах *любовно* беседуют меж собой
Дерзкие ветви и самые кроткие ветви.

То прояснится, то меркнет – небесный узор:
Чистых цветов не найдя – на палитре томлений,
Остроугольный, но мирный – ведут разговор
Дерзкие тени и самые кроткие тени.

И, как случайные образы – в витражах,
Вдоль перекрёстков осколков – простёрших струны,
Шепчутся, не – пререкаясь, в людских глазах
Дерзкие думы и самые кроткие думы.

Только белая птица, кроткая птица, вниз
 Не слетевшая облачком летним из храмной ниши,
 Не вступает в беседу звенящую – дерзких птиц
 И голоса их – всё более смутно слышит...

И, позабыв – земных перемолвок слог,
 Противоречья вылечив – летом храмным,
 Хочется – просто молчать, перо приколов
 Птицы смиренья – к шёлку над сердцем самым...

13 июня 2008 г.

Терпение (Любовь – долготерпит)

Своя примета и своё призванье –
 У каждого – из чувств, предрешено.
 Любовь – безумье? дерзость? ликованье?
 "Терпение", – с улыбкой. Да, оно.

Проснувшийся в жару, во тьмы купели –
 Ты думаешь: любимый, может быть,
 Уснул, дежуря – у твоей постели,
 И *терпишь* боль, чтоб сон его продлить.

Услышав – "то, что от меня так ждёшь ты
 И тянешься к чему, как во хмелю,
 Я подарить тебе – смогу лишь позже", –
 Киваешь без обид: "*Я потерплю*".

Когда за счастье – с жизнью торг безбожен,
 А на кону – иль всё, иль ничего,
 Представишь то, что *вытерпеть* ты можешь,
 И хлынет в грудь – не страх, а торжество.

Сто раз – свой *перетерпишь* спрос с другого
 (Его задеть – себя пронзить насквозь):
 Где за двоих – один терпел охотно,
 Обоим – натерпеться не пришлось.

Эмоций пыл – вид близости прилива;
 Лишь тот, кто и в грозу страстей и вин

К другому – относился *терпеливо*,
 Был вправду, в полной мере – с ним *един*.

Увы, так много – ложного смиренья...
 А ведь Любовь – в душе живёт лишь той,
 Что совершает подвиги терпенья,
 Но их – *не замечает за собой*.

Не верит сам в Любовь, кто обещанья
Терпеть – даёт как Мученик (смешно
 И горько). Нет, терпение – *дыханье*,
 Хоть изредка – *сбивается* оно.

Терпенье – навык, но оно – и Чудо.
 Так заглушить грозитесь зов "люби"
 Отчаянье – и вдруг из Ниоткуда
 Приходит ласка Бога: "*Потерпи...*"

7 октября 2007 г.

Не бойся темноты

Те, что слишком долго ждали,
 Будут благодарны после.
Мария Павлова

Не бойся темноты, когда ты с Богом, –
 В ней – для тебя не кроется беды.
 Всё злое – за Убежища порогом,
 А ты – внутри. Не бойся темноты!

Зарницы не дождавшийся рассветной –
 Чтob осветить свой угол самому,
 Во тьме – сжигает нечто, что бесценным
При свете дня казалось бы ему.

На дне морском, хоть рядом – пролегают
 Глубинных рыб светящихся пути,
 Песчинки – до жемчужин возрастают
 Во мраке заточенья, взаперти.

И если ты – морских ракушек створки
 Для щедрого сиянья ручейка

Раскроешь, не умея – выждать сроки,
То, не созрев, погибнут жемчуга.

Не бойся темноты, когда – ты светел:
В ней – чистые останутся чисты.
В ней чудеса, не чудищ – видят дети
Невинные. Не бойся темноты!

Рассвет – придёт, он одержал победу
Уже давно, а медлит – потому,
Чтоб, уронивший *медную* монету,
Ты, за потерей – наклонясь во тьму

И грош упавший – подобрав вслепую,
Однажды обнаружил: в тот момент –
С земли монету поднял *золотую*...
Дождись лучей. Когда – вернётся Свет,

Ты многому с улыбкой изумишься
И Ночь – других научишь – с ней встречать.
...О, ты не темноты самой боишься,
А неумения собственного – *ждать*.

8 декабря 2008 г.

Видится

Явное – тайной полно Красотой;
В мелочи суть – постижимой больше!
В вещи привычной и самой простой
Видится нечто гораздо тоньше.

Люди – стремятся к источникам бед
И не прощают – тех, кто мудрее.
Но – под налётом их *суетных* черт
Видится нечто гораздо светлее.

Став терпеливей, чище, смелей,
Ты изумляешься – мощи контраста:
За лабиринтом людских страстей
Видится нечто – ценнее гораздо.

Столько нужно ещё – осветить!
Столько неслышного – дать услышать!
В нашем желании "просто жить" –
Видится что-то важней и выше.

Страшно мириться с людской слепотой,
Приняв – что *видится*, и обнаружив:
Прочие – могут принять только то,
Что на поверхности – и – не глубже.

Так нелегко – быть в ладу с большинством,
Не разрушать – рамки их одобрений,
Быть среди них – и остаться при том
На стороне любимых "видений".

Делать уступки – их пелене?
Можно кивнуть: мир темнее и проще...
Но – в их другом, в их завтрашнем дне
Кроется нечто – гораздо зорче.

30 января 2008 г.

Гончар

Вижу, как смотрит на Землю – Небесный Гончар.
Здесь – для меня, между земными безднами,
Нет ничего, кроме глины... Да в этот час
Превращается глина – во что-то, душе полезное.

В вазы доверья, чтоб веры поставить цветы
(Неувядающе-вешних – лугов наследница!).
В чаши смирения, чтоб ближним подать воды,
Сколько в горсти самомнения – вовек не вместится.

В дуги перил, обессиленным после борьбы
Давших опору – на лестнице к горным купальням.
В вёсла для лодки, что долгое время, увы,
С места не трогалась, грезя – о берегу дальнем.

В хрупкий навес: переждать – осуждения зной.
В стержень поддержки – для плодом надломленной ветки.
В образ господень – для ниши – часовни той,
Где разбил ураган – освящённые статуэтки.

Вижу, как ласково, каждый готова дар,
 Бог улыбается, предвосхитив – ожиданье.
 Знает все нужды – мудрый Небесный Гончар,
 Но – как непросто – любить и ценить это знание.

Страждущей, слабой – что до "подёлок" чудес...
 Грёзой о благе живу – ином, незаслуженном;
 Мне бы из глины – да в изголовье крест,
 На руку перстень в раю – быть узнанной Суженым.

...Снова смиряю в душе – нетерпенья страсть;
 Что Бытия Устроитель – подаст, не отрину.
 Благодаря – за умение своё – *принять*,
 Божие Руки целую, мнущие глину.

Верю: творящие, тайн мастерства не тая,
 Не помышляют они – о трудов оплате,
 И по Создателя милости – плоть моя –
 Глиняной пылью – на длани Его осядет.

17 мая 2008 г.

Вера тесна

От слёз обезумев, молился монах
 В той келье, что прочих – по вере *тесней*:
 "Коснись меня, Господи, мне – так нужна
 Минута реальности Длани Твоей!

Что хочешь – затем сотвори со мной,
 Но чтобы в страданье – быть крепок мог,
 Коснись ощутимую, явной рукой".
 Молясь, он смахнул паутины виток

Со лба, заклеимлённого глубиной
 Морщин, и услышал – печальный глас:
 "Зачем ты отводишь Мою Ладонь,
 Когда исполненью прошения – час?!.."

— // — // —

Догадка – пространна, а вера – тесна,
 Веками уют – был един с теснотой.
 Надежда моя – не исчезла: она
 Под маской присутствует рядом со мной.

В каком же обличье – её рука
Простёрта теперь, под видом каким?
Я больше никогда не сорву цветка,
Неловким крылом – не рассею дым,

Не наступлю – на узоры теней,
Не нанесу – ярким гроздьям урон.
Я больше никогда не закрою дверей
Пред ветром стучащим, пред птицей – окон.

Больней – быть не может, но будет – теплей.
Я знаю, как сила любви велика.
Я больше никогда – не брошу камней
Ни в море, ни в реку, ни в облака,

Я слух не закрою, услышав гром.
И знать, не затянется горный разлом,
Мучительней будет, чем сердце пронзить.
Мне так одиноко при мысли о том,
Чем может надежда – быть и не быть.

И я не задую свечных огней,
Да скрасят – печальной земли лихолетье,
Я больше никогда не отвечу "нет"
Спросившим меня, а есть ли – бессмертье.

14 июля и 15 августа 2006 г.

Любовь – надеется всегда

К Надежде – сотни требований тот
Предъявит, кто – не любит. У одра
Надежд – Самонадеянность уснёт,
Уйдёт капризно Страсть – от их костра,

Им скажет Гордость – "не моя беда",
Упрямство – слепо – *мимо* них пройдёт.
Одна Любовь – надеется всегда,
Не путая Надежду и расчёт.

Когда проходят смерчи вдалеке –
И о Приюте думает она,

Чтоб строить Упованье на песке,
Нет для неё – не годного звена;

Коль скажет "горы", и хрусталь – скала,
Коль скажет "море", и пустыня – дно.
Идя сквозь ночь, того, что даль – светла,
Не требуя примет излишних, но

В свои награды – веря, как дитя,
Раскрыв для них – все грани естества,
И подтверждений больших не прося,
Чем то, что до сих пор – она жива,

Любовь – всегда надеется в Зиме
Найти просветов чистую игру;
Надеется на *лучшее* в себе,
Что вовремя проявится – к добру,

На щедрое участие Сил Святых,
На чудотворный Жданного повтор.
Надеется на силу Красоты,
Что действует – всему наперекор.

На то, что Завтра – ярче всех Вчера,
А дух Сегодня – ветер, не смола.
На то, что, хоть ошибки сталь – остра,
Но всё же – не отравлена стрела.

На то, что будет – милосерден Суд
Над тем, что выше – всякого Суда,
И сломанные крылья – заживут,
И в пепле – не померкнет Высота.

Надеется Любовь – хотя б на часть,
Неутомимым солнечным ростком
Избраннику – Надежду передать,
Когда она – почти угасла в нём.

Любовь, отвагой – устилая след,
С наивностью, что смелость превзойдёт,
Мечтает: всё уладится – в *тепле...*
А если воцарится – Вечный Лёд,

Надеется – так скрыться за чертой
Своих опустошённых "я – могла б...",
Чтоб даже смерть её – была такой,
Чтоб *поддержать Надежду* – в тех, кто слаб.

27 октября 2007 г.

На Паперти

Святитель вынес хлеба – беднякам
И понял, что не вдоволь – *всем* краюхи.
И он читал по алчущим глазам
О мере нужд – к нему тянувших руки.

Он отдал хлеб тому, чей схож был взор
С открытой раной с рваными краями,
И думал, тот – проворно, точно вор,
Вопьётся в ломоть поданный – зубами,

Не мешкая мгновенья (голод – лют)...
Ни крохи – губы нищего не взяли.
Он спрятал хлеб, и – точно света жгут
Стянул края провала глаз печали.

Не угадав – ни чувством тишины,
Ни истины чутьём, предверьем цели:
Другие – хоть и были голодны,
В своих котомках – пищу уж имели,

Себя в ошибке упрекнул тогда
Святой Отец, лучей не разгядевший.
Он не узнал: тот хлеб – вложил в уста
Хранителя души, чья грусть – беда
Его, с краюхой – с паперти ушедший;

Что странник, оделённый им у врат,
Бедняк, который дар – над сердцем прячет,
Голодной смертью – умер день назад,
Чтоб быть опекуном – для тех, кто алчет.

вечер 1 августа 2006 г.

Ангел Из Платка

Испуганный скоплением народа
В том Храме, что за час – не осмотреть,
Ребёнок плакал... И ровесник – подал
Ему платок, чтоб слёзы утереть.

Вдруг вспомнивший любимую затею,
Мальш печальный – плакать прекратил,
Сказал другому: "Вот как я умею!" –
И Ангела из ткани смастерил.

Младенца не устами, а руками
Порой глаголет истина... Мой Бог,
Когда мы будем плакать – даже в Храме,
И наши утешители – платок

Протянут нам, Всемиловитый Боже,
Твоя животворящая рука
Пускай, что мы – младенцы, помня, сложит
Нам Ангела – из белого платка.

Нет, я – Тебя просить о большем смею!
Чтоб мы сказали (в узел – два угла),
Забыв про слёзы: "Вот как я умею!" –
И ангельские создали крыла.

30 мая 2008 г.

* * * *

– Светлый Боже, Заступник мой,
Чтобы вечно была – в долгу,
Чтоб для прочих – гореть свечой,
Помоги – дышать. Не могу...

– Я тебе – Сам зажгу свечу,
Твой же смертный огонь – уйму.
И долгов твоих – Я не взыщу,
И дыханье – тебе ни к чему...

Чтоб раскрылся души цветок,
Чтоб дополнил светил грядущу,

Задержи свой усталый вдох
И последуй – куда веду...

Там, где сердца пройдёт недуг,
Где не нужно молитвы – вслух,
И дыхания вместо – Дух,
И страдания вместо – Дух.

17 мая 2008 г.

Храни Лампаду

Душа! тебя для Сына – Бог сосватал!
Жених с друзьями – за тобой идут.
Храни свою венчальную лампаду
Горящей, и когда – вокруг уснут.

Её невинный очерк ореола –
Как сердце, что исходит теплотой, –
Та верная примета, по которой
Тебя узнает – Наречённый твой.

Душа, не угаси лампаду веры,
Чтобы, придя, Избранник – взял Своё.
Ты шла на схожий свет за схожим светом,
Покинув навсегда – Небытие.

Тщеславно не стремись к огня каскаду,
Величие его – нередко ложь;
Надёжно сбереги – одну лампаду,
И с ней – улыбку солнца сбережёшь.

Она, как ты сама, Ему – святыня,
Бери свою судьбу – в её круги,
Шепчи над ней Возлюбленного имя
И каждый миг сиянья береги.

Когда в твоей пустыне – смерч завоет,
Песком – по отдаленьям разносясь,
Обвей её звезду – своей рукою
Заботливо, обжечься – не боясь.

Не оставляй и часу без присмотра
(Находчива напасть, беда хитра):
Бери её с собой – повсюду, словно
Она – твоя любимая сестра.

Носи её к Лучинке в помощь малой
И на поклон – к большому Маяку.
А прозовут Безумною-С-Лампадой –
Будь рада: ты *угодна* Жениху.

Кто масло лил в огонь раздоров мира,
Тем для лампы – каплю жаль отдать,
А ты – сожги на ней – что ты любила,
Когда она – вдруг станет угасать.

Не спрашивай о ней: "А в чём же благо?",
Не сился разгадать – игру теней.
Ты попросту не знаешь, сколько мрака
Ждёт только недоверья – сердца – к ней!

Как девочке в младенческой печали,
Которой – был тяжёл и светлячок,
Тебе так долго – путь твой освещали...
Так покажи, что выучен – урок!

На твой огонь – откликнулся Небесный,
И мало – встретить, веры жар ценя:
Гори сама! Гори! Душа! Невеста!
Жених идёт, не угаси – огня!

ночь 9 – 10 октября 2007 г.

Смоковница

Матфей 21:18 – 22

Марк 11:22 – 26

Я не спешила... чем быстрее жизнь
Проносится – тем меньше дней вместит.
Широко мои тени разрослись:
Я знала, стан мой – ветер не сломит.

Земля – давала хлеб моим корням.
И я могла бы, без вреда – могла

*До времени – отдать моим ветвям
Те силы, что на время сберегла.*

И был бы – цвет, и были бы – плоды.
Та мякоть, их которой – брызнет сок,
Едва губами – прикоснёшься ты.
Но я сказала: "Нет, ещё не срок".

Теперь – я понимаю, мне одной
Творец времён – познание отвёл:
Когда – до срока – многое дано
(Пускай – не всё), то значит, срок – пришёл.

...И шёл Господь – дорогою земной,
И возакал, и рядом – я была!
Он тронул ветвь – просящую рукой,
Но ничего – ладони не дала.

Я маюсь тем проклятьем по сей день,
Я думаю о том, что быть могло...
Я скорбь таю – под засенью ветвей:
Всё кажется, что горек – будет плод.

Страниц перебирая мягкий шум
Свой урожай собравшею рукой,
Ты знаешь, отчего – я *жить спешу*,
За притчи можешь выследить строкой.

Мне хочется, метая сок и смоль
По венам – со стремлением ветров,
Так жить, чтоб на Земле – в момент любой
Мой Гость усталый мог – сорвать плодов.

Когда протянет руку – Вечный Бог,
И ветви все, замалчивая долг,
Оспаривая право пира всласть,
Возропшут: "Так ведь, Господи, не срок", –
Скажу я: "Угощайся, *заждалась*".

26 июня и 11 августа 2005 г.

Малое

Только Великого – прежде желала я,
Но – образумилась, больше – увидела...
Боже, не верю, что просьба *малая* –
Может унижить Величье Дарителя.

Господи, дай мне – самое Малое,
Малому чаду, чтоб пользу вынесла:
Чтоб, как оно – возрастает, узнала я –
И по тому же примеру выросла.

Чтобы богатства Твои умножала я
(Притча о добром слуге – не безлика),
Господи, ежели – дай мне Малое,
Я обещаю – вернуть Великое.

Но – я пойму, если в связке ключницы –
Будут ключи *неизменно* – малые.
В малых дверях к нашей истинной сущности –
Не стерегут нас – большие Лукавые.

Нет "мелкой сошки" – Ловцам Человеческим,
Так что, и малая сеть – пригодилась бы.
Чтобы вместить – *Великое Вечное,*
То *по частям* – познавать приходилось бы,

Малый же дар – не теряет *цельности*.
Вновь обновляя задания, Учитель мой,
Дай упражняться мне – в Малому верности:
Верные в Малом – верны и в значительном.

Даже Великое – это Малое
Рядом с Тобой, *Дуновение Тихое*.
Но – что за мелочь Тебе ни вверяла я,
Каждую – Ты – обращал в Великое.

25 марта и 19 июля 2009 г.

Твоё Доверье

Все подвиги Души – Доверья части:
Лоскутный плед – отвергнувшим литьё.
Твоё Доверье мне – оно прекрасней,
Оно вернее, чем Тебе – моё.

Моё – так изворотливо порою,
Чтоб больше просьб Твоих – не обещать!
Твоё – туда уводит за собою,
Где ценно – всё, но нечего – терять.

Моё – своей порой страшится тени:
"А я ли это?" – думает оно.
Твоё и тенью – так в ночи оденет,
Что всё – как в свете дня озарено.

Моё Доверье – прячется без боя
Под Твоего распахнутым крылом.
Я со своим – о мелочи поспорю,
А Ты – не сомневаешься в Своём.

Они – одно другим незаместимы,
В Любви – их неделимо естество.
Но хоть они и родственно-едины,
Твоё Доверье – лучше моего.

В час, при каком – все демоны на страже,
Час утомленья и – унынья, *жить* –
Меня *Твоё* Доверие обяжет,
Когда моё – не сможет вдохновить.

17 июня 2009 г.

Рука Дающего

Отливы и приливы: соль и хлеб
Сегодня – а наавтра жизнь сурова.
Когда нарушат клятвы на Земле,
Есть Тот, Кто не отступится от слова.

Не знает петель – щедрости стезя,
Лишь маловерный – перед ней робеет.

Не бойся раздавать дары, дитя:
Дающего рука – не оскудеет.

Где искра – там огонь, где капля – дождь,
Где лук – там стрелы, что – по мерке луку.
Пока Дающий спит, склонившись в ночь –
Три Ангела – его целуют руку:

Там – Ангел Упованья, где черта
Ладони – позолотой не размыта;
Там – Ангел Милосердья, где рука –
Гвоздём неблагодарности пробита;

И, бережнее всех, как Сам Господь,
Что не сминал волны, идя водою,
Там – Ангел Бескорыстия, где горсть
Обожжена кратчайшей пустотою.

Чтоб не погибло святости зерно,
Не бойся, если Бог – тебя одарит,
Что прекратятся милости Его:
Дающего рука – не обнищает.

Не бойся переменчивых времён,
Когда сомненья дух – в миру повеет.
Ты никогда – не будешь разорён:
Дающего рука – не оскудеет.

Как светлячки – друг к другу, как на крест –
Те Ангелы, что спящими казались,
Погреться – к ней – слетаются с небес
Те звёзды, что погаснуть собирались.

6 ноября 2008 г.

Целуя шрамы

Коль, оценив все Неба "за" и "против"
В суждениях об умении любить,
По тех закону выводов живёте,
Как прав за то награду получить –

Не ждите от Любимого – *того же*
 (От пытки ожиданием – столько бед!),
 И если вам открытое – не может
 Понять, то принимайте – как дефект

На сердце, представляющий собою
От жизни шрам, от слóмов прежних шва.
 Кто любит, тот с *особенной любовью*
 Целует шрамы! Если – такова

К рубцам *на теле* – нежность, какова же
 К следам от ран *души* – должна быть та!!!
 Целуйте шрамы душ! Сам Бог – обяжет:
 Родным – та ласка всё тайком *подскажет*,
 Что не внушить насильно – никогда.

9 марта 2008 г.

* * * *

Людмиле Лисовой

Мимо нарциссов, просящих – зеркал,
 К нежным лампадам – пройдя по Луту,
 Чтобы венок – Алтарь увенчал,
 Бог посылает цветы друг другу.

Объединяя в Услышанный Зов
 Ноты и вздохи, неясные слуху,
 Чтобы рождались куплеты Псалмов,
 Бог посылает слова друг другу.

Близятся зори Новых Начал...
 Чтоб для блуждавших по тёмному круту –
 Утренним заревом Храм сиял,
 Бог посылает лучи друг другу.

Ход притяжений тех – не пресечь:
 Учит Единство – чудес науку...
 И, вдохновлённый плодами тех встреч,
 Бог посылает людей друг другу.

25 сентября 2008 г.

Ласка людская

Словно в прохладное время – солнца волною,
Лаской людской обогреты, лаской людскою.
Дани волненью – и с ними – улыбка покою.
Ласка людская... прядей волна под рукою...

Тихая заводь – в жизни потоках быстрых.
Ева земная, что – из ребра бескорыстных
Сотворена и встречает – воздавших сторицей –
Нежностью мудрой, из лилий тепла Даровницей.

Ласка людская – всегда – как предчувствие *первой*
Вести о небе, легенда – о ласке *бессмертной*.
И потому – я встречаю, как высью дышу,
Выдох невинной души: "Добротой дорожу..."

23 апреля 2008 г.

Добрые Глаза

В голода час – я без хлеба легко обошлась.
В век испытания – я ничего, кроме храбрости,
Не попросила. Мне – не хватало лишь глаз,
Добрых, как чувство – неупиваемой Радости.

Этих людских и ангельских – *Добрых Глаз!*
Этих Миров, пустоты раздирающих проблески!
Сколько раз я под бременем падала, столько раз
Поднималась затем, чтоб идти – на их взгляда поиски.

Я равнялась на тех, кто преданно их любил.
Я мечтала их видеть – в Конце, у смертной постели.
Если жар – был опасен, они – остужали мой пыл.
Если солнце скрывалось, они – озаряли и грели.

Если чуяла слабость, они – побеждали мой страх.
Я скучала по ним, как зимой по волшебной капели.
Я узнала из тайны, сокрытой – в Добрых Глазах,
Больше, чем мне – зеркала рассказать сумели,

Больше, чем в книгах прочла и смогла передать.
Первой к Смыслу идя – и другим намечая тропинку,
Всё величие жажды – "Стремиться И Достигать" –
Я могла бы вместить – в их "Провожать" слезинку.

Да, с Художника чувством, чей яркости вкус подчинился
Многим условностям лепки из глин впечатленья,
Я любовалась – и теми, чей взор лучился
Гордостью мраморной, вспышками жёг – нетерпенья,

Видел ранимость невинных – зрачками из стали...
Тем, чей взгляд рисовал – между ним и другими пропасти.
Теми, в чьём взгляде – лютые грозы пылали.
Теми, чей взгляд – подёргивал лёд отрешённости.

О, и теми, чьи порваны веки – безумья криком,
Взорваны брови – неба *отвергнутой* помощью.
Но, оставаясь одна – перед Памяти ликом,
Улыбнувшимся мне – с *неподражаемой* горечью,

С чувством – есть нечто, жизни земной дорожке,
Глядя на утренний снег или дождь за окнами,
Я вспоминаю не их, а с ними несхожих:
Тех, чьи глаза – были пронзительно-добрыми.

вечер 8 марта 2008 г.

Зайчики

Резко изменившийся поток
Света – переждать реша в сторонке,
Луч прокрался в синий уголок,
Заскользил – по маленькой иконке.

Благодати пробу – взял с холста,
Залечил царапинки-дорожки –
И щекочет мальчика-Христа
Трепетно раскрытые ладошки.

На невинно-хрупких – детских рук
Линиях – нежнейших светотеней
Видя безмятежную игру,
Я кусаю губы от предверий:

В День, когда взамен небесных слав –
Будет хрип грудной в Святого стоне,
Солнечные зайчики тепла
Вспомнят – обагрённые ладони...

22 июня 2008 г.

Баллада Умиленья

На летний час – лишён своих невзгод
Мир бело-изумрудно-золотой.
Создатель душ людских – осознаёт
С какою-то особой полнотой,

Как бесконечно дороги Ему
Все, видимые с неба – сквозь листву:
Не всхлипнувший мальчонка, на ветру
Не удержавший змея бечеву...

Следящая за сушкой простыней
Толстушка с солнцем в мелком янтаре.
И тот старик, что поит голубей
С ладони жёлтой в маленьком дворе.

Там, где, сплетая дух – с тени плащом,
Как свечи, розы чайные горят, –
Тот мальчуган, что прячет под кустом
Цветные стёкла, как ценнейший клад.

Игрушечной беседки возле, где
Цветы – как на затерянном пруду,
Старушка на кренящейся скамье,
Что греет ноги в солнечном свету

И, слабо промокая рот платком,
По книге, что не кажет – смысла дно,
Читает внуку с белым вихорком
О том, что зорко сердце лишь одно.

Где набегает облачная ртуть
На крест поросших клевером дорог, –
Дитя, что не умеет застегнуть
Упавшей босоножки ремешок.

И девушки, что в травах гуще чащ,
В которых звонко – хор цикад поёт,
Друг другу красят ногти, щебеча
О том, что блёстки – лучше позолот.

И юноша, "серьёзное лицо"
Держать – перед подругою своей
Надумавший заранее, но смешно
Чихающий от пуха тополей.

Предвидя: будет снова – мир жесток,
Не сбережённый краткой теплотой, –
От умиления – тихо – плачет Бог
И щёки трёт бесплотною рукой.

И пережить *заранье* – день остуд
Всем хочется, *сейчас* – преодолев,
Пока слезинки божие – текут
Июньским лоском – по сухой земле.

11 июня 2008 г.

Воды Чудотворной Купели

Лог пахнет медуницей пред дождём,
Костром и солнцеликим громом дальним.
За маленьким бревенчатым мостом –
Глубок ветвей поклон – святой Купальне.

В неё, что, как невинный вздох, сладка,
То яркой, то незримою струёю
Бежит звенящий *холод* родника,
Но синяя вода – *кипит* любовью.

Во времена безверья – сквозь пласты
Преград прорвавшись – божьей благодатью,
Переполняет чашу Доброты
Исток, в котором найдено – распятыё.

Смотря в него, я думаю – о том,
Другом, слепом от радуг водопада,
В котором, возвратясь с Земли, со стоп
Дорожный прах – смывала Богоматерь.

Как если бы младенец Моисей
Дремал, их ожидая, в сини тихой,
За собственною *силой быть светлей* –
Склоняясь, как Царицы – за корзиной,

Купальщицы в сорочках и венках,
Косой – горчащий ветер обнимая,
Сойдут в поток – и вместо рушника –
Задумчивые стены иван-чая!

И, пошатнувшись, – на руки подруг,
Когда – в минуту после омовенья –
Не от озноба – перехватит дух:
От осознания власти Очищенья.

О, в Благодать – как в прорубь, зубы сжав!
От Бога – ощущения не пряча,
Что Стужей отрезвлённая душа
Награду Солнца – чувствует иначе,

Туда, в укрытье водное уйти,
Где зыбь – не тень, и дно – уж не земля,
Чтоб, вынырнув, тугую боль в груди
Вдруг выдохнуть, как роз бутон – шмеля.

27 июля 2008 г.,
Витовский Источник

Святой Исток

Как на Христа воскресшего запястье
Заглаживая память о гвозде,
Струе дорогу давший – камень глядя,
Святой Исток – поёт о Чистоте.

Пьют из ручья задумчивые птицы –
И впитывают в крылья бирюзу.
С *прекраснейшей* Водой – желая слиться,
Над камнем ветви – льют свою росу.

Тихонько поклонись – волны свеченью.
С таким благоуханьем мелких струн,

Как если бы прозрачною сиренью
Усыпан был – узорчатый валун,

Над адскими пустынями победы
Знаменье льётся. Застудить руки
Не бойся, иль не видишь – сам, что этот,
Сирени уносящий лепестки,

Животворящий луч, пульсаций ритмы
Меняющий, целуя – Духа след, –
Знак маловерным: даже из-под глыбы –
Способно Чудо вырваться на свет.

И, ниспадая лентами, смывая
В огне суёт сгоревшего – золу,
Так ласково – объятьем обвивают
Святые струи – малую скалу,

Так *празднично* – потоки оплетают,
Один слагая оду – одному!..
Но сердце – сжалось, будто сердце – знает
(Уж если что известно – то *ему!*):

От плача в голубых Высотах вечных
О гибнущих от жажды, но в ночи –
За чашей света к Богу не пришедших –
В миру людей – рождаются ключи.

20 мая 2008 г.

Ангелы спят

Не оттого ль, что день так тих погожий,
Что только Имя Божье – на слуху,
Над белым Храмом – облака – похожи
На Ангелов, уснувших на боку?

Клади цветы – к распятия подножью
И раненную горлицу крести,
Но двигайся и мысли – осторожней,
Лилейно-белых Спящих – не буди.

По воздуху ступай – в круги прощенья,
Не оглушая шорохом – траву:
Догадку не развей, чьи сновиденья –
В раю – переживём мы наяву.

30 мая 2008 г.

Без зонта

"Рай – мир, где под дождём –
нельзя промокнуть," –
Сказал мой крестник, вымокший до пят.
Но у ветвей – такая невесомость,
Когда – они ликующе блестят

Во влаги паутинках, полных дрожи,
В цветенья с влагой смешанной пыли
Так лавочки дворовые – похожи
На праздничные храмные скамьи,

Все линии – невинны и уютны,
Так странно птицы – на́ воду глядят,
Так тучи в небе – не черны, лазурны,
Прозрачен горизонта водопад,

Что, видя струй свободные полёты,
Роня горсти – в хлёсткие ключи,
Я думаю о тех, кто, "непогоды" –
В сиянии души не различив,

Таковую меру счастья постигает,
Намоленной – покоя полноты,
Что, под дождём блуждая, забывает
Раскрыть – с собою взятые зонты.

И, слушая капель, я представляю,
С улыбкой сердцу внемля своему,
Как те, о ком сейчас – я так скучаю,
Кого я скоро – за руку возьму,

В служенье отказав земным законам
И суету оставив навсегда,

Проникнутые счастьем умилённым,
В раю – под ливнем ходят без зонта.

16 мая 2008 г.

* * * *

Дождь, и за внутренней теплотой –
Кроется бездна. Все – по домам.
Я же накрыта – лишь божьей рукой:
Тёплой иль нет – Бог не знает Сам...

Возле порогов – горят костерки:
Тянущих руки – "куча-мала".
Я же касаюсь – лишь божьей руки...
Божья рука – так приятно тепла.

Катятся в чащи огни со дворов,
Но путеводного – нет клубка.
Всё холодней – над сплетеньем миров.
Жарче и жарче – божья рука.

Ветер – метёт опустевший двор,
Пляшет зола, блики луж черня.
Не остаётся вокруг – ничего...
А божья рука – горячей огня.

Чтобы дрова полыхнули, печь
С хлебом насущным – спеша натопить,
Чтобы крестные раны Свои прижечь,
Дабы кровь и вода – в них могли застыть,

Бог мечтает о маленьком уголке...
Потому ни потери моей – не вернуть,
И пока я сгораю – в божьей руке,
Не найдётся дыханья – на пламя подуть.

Потому так нелепо – судьбу бранить,
Призывая шадящие ветерки,
Ни за жизнь, ни за смерть – не в тишайшей тени,
А в бушующем зареве – божьей руки.

7 апреля 2008 г.

Смелости!

Боже всезнающий, Боже всевидящий,
Ты, над ростком воздвигающий крепости,
Сила – приложится, средство – отыщется,
Смелости, Господи, дай мне, Смелости!

Господи Боже, отрада всеильная,
Перед Невинным – щиты Твои каменны.
Что же я, Господи?! Мне ли – просить Тебя:
"Смелости, Отче!" Да много – бывает ли?

Поровну – крови Тебе и елса лью.
Откликом – горечи, карою – лени,
Пренебреженьем к пустому сомнению –
Смелости, Смелости дай мне. Смелости!

Чтобы во вкус войти, не насытиться:
Столько! А далее – только вечности.
Сила – умножится, средство – возвысится,
Смелости, Господи, не перечить бы!

Медлю. Войди же – в звёзды и тернии,
В руки простёртые, в очи усталые –
Для – наваждения, для – постижения,
Для – откровения, для... *да мало ли!*

Смелости, Господи! – мне и Милому, –
Прежде чем вместе – травую выгорим.
Смелости – той, чтобы чутя: мотив её
Сроду заложен был, а не вымолен.

Боже всезнающий, Боже, не видеть бы
Робостью – кротость, порывы – неверностью...
Смелости дай мне, чтобы любить Тебя.
Сердце вложил, так наполни – и Смелостью.

26 апреля 2006 г.

Ода Божьему Взору

Смотри, мой Бог, с улыбкою, укором,
Печалью, счастьем, лаской – в жизнь мою.
Я преклоняюсь – перед этим Взором,
Сквозь листья – Змея видевшим в Раю,

Сквозь первый отзвук сказанного Слова –
Весь мир, что я теперь – зову Землёй,
Сквозь струпья прокажённого Иова –
Наряд Души багряно-золотой.

Тебе видны зола и дым исхода,
Когда у искры я на поводу.
Тебе видна сквозь дёготь капля мёда –
И капля яда, скрытая в меду.

Ты видишь солнце – сквозь густые тучи,
Когда я говорю, что ночь темна.
Ты видишь тень грозы, на мир идущей,
Где мне – лазурь безбрежная видна.

Ты видишь все проходы в лабиринте,
А я – два-три, и те – издалека.
Ты видишь все концы "бескрайних" нитей,
Пока не смею – размотать клубка.

Ты видишь то во мне, что зеркалами
Не познано. Ведь я – смотрю – Тобой
Из праха сотворёнными глазами,
А Ты – бессмертья Сердца глубиной.

Одну – не отпускай судьбы путями!
Жить виденьем – уже учусь – Твоим.
Да, вижу – только тяжкий серый камень,
Но знаю, точно знаю, что под ним

Ты видишь скрытый до поры Источник.
И, осознав (оступок боль – цена),
Насколько Ты, меня ведущий, зорче,
Ветрами перемен окружена,

В любом из них – ловлю Твоё дыхание.
Событий, отразивших мой удел,
Моей наивной воле послушанье
К чему мне: при моей-то – слепоте!

13 мая 2008 г.

Парус и Ветер

Мой Бог, я научилась *доверять*,
И мне – Тебе не страшно подчиниться.
Путём ошибок – я смогла понять,
Что Сила Божья – в немощи вершится.

Твой Дух во мне – как Ветер в парусах.
Когда *податлив* парус, не до мели:
Его – ветра наполнить могут так,
Что весь корабль – понесёт он к Цели,

А закоснела ткань – и тот застыл.
По волн коврику лазурно-золотому –
Лишь потому, что парус – гибок был,
Фрегат моей души – домчится к Дому.

(Как свет Звезды Рождественской – был схож
С ярчайшим Маяком!) Всем упованьем:
"Вей!" Верю, верю: Ты – не разорвёшь
Живого полотна – морским дыханьем!

27 марта 2009 г.

Снег и Солнце

Снег – искупался в Солнце, и оно –
В нём расцвело с решимостью немерянной:
Его частиц плетенье – возвращено
До огненных планет – на глади ветреной.

Так глубоки чистейшие тона...
И в каждом – ждёт сравнение, мне близкое:
Без Солнца – не сияет Белизна;
Без Бога – не лучится в сердце Чистое.

Идя домой по тропам золотым,
По яркости, приливом набегающей,
Я восхищаюсь замыслом Твоим,
Бог, Белизну задумавший – сияющей!

22 января 2009 г.

Ладан Памяти

В Историй Храме – стелется туман:
Не данными ей Богом – бредя силами,
Проходит Память – мимо прихожан,
Играя – с золочёными кадилами.

Стою, не веря сердцу своему.
Запев не подхватила недослышанный,
С иною речью – шедшую в дыму
Схватила за рукав, крестами вышитый:

"Послушай, Память, веря: Храм – тесней
(Читай: уютней) от куренья пряного,
Не оскверняй святыни миражей,
Сама пытаясь – освятить их наново".

– "Так задержи свой вдох, – в ответ мне, – штрих
К Былой и Новой святости неравенству.
Ты и не стоишь – ладанов моих,
На исповедь – ходившая к Беспамятству".

ночь на август 2006 г.

Сверчок

Слышишь – сверчка? Глубина
Вздохов его – терзает...
Будут – страшные времена,
И живая вода – мёртвой станет!

Если спросят меня о том,
Как хочу – злой избежать доли,
Я хотела бы стать сверчком,
Стать поющим сверчком в божьем доме.

При мерцающем блеске свечей,
 Этом зареве ласковом, вечном,
 Я смотрела б на ход Вечерь,
 Вереща о тепле запечном.

Слыша тот полуплач-полусмех
 Пересыпанной золами трели,
 У огня – вспоминали б тех,
 Кто блуждает извне, в метели...

Как бы, зная, что слышит – Бог,
 О пассаже не помня трудном,
 Мой стрекочущий голосок
 Исходил бесприютным уютом!

И ни сердца – вернуть себе
 Не желало бы тишь нарушенную,
 Что идут – не на свет в окне,
 А на память, сверчком разбуженную,

Зная...

18 сентября 2006 г.

*** * * ***

Плач – о праве – "Домой", не заслуженном праве – "Домой"!
 И, глядишь, на пути – непреклонно встававшие цепью,
 Расступаются горы – пред светом слезы одной,
 Расплеснув облака – непорочно белой сиренью.

От всего вдалеке, что одни возвратят небеса,
 Берегов тех не видя, а зная одну стремнину,
 Как, Судьбу свою высшую – выстрадав до конца,
 Не забыть то стремление, с которым – порог покину!

Как спокойно – под ливнем... как жарко – от мудрых слов...
 И как тяжело, трудясь – над Душою, а тела – не чуя,
 Духа вспарывать стопы – канатами горних ветров,
 С оградившим от мира – за "небо в миру" не враждуя...

И я знаю, "за что" и *зачем*, и мой Дом в Синеве –
 Дух, которому буду – Сестрою единокровной.

От всего обожжённого сердца – спасибо Тебе,
К цели ведущий – самой прямой дорогой.

10 и 13 мая 2008 г.

Вместе с Великанами
(Книга Чисел, главы 13, 14)

Ступени – и надёжны, и ясны,
Освящены горящими купинами.
Из мира серебристой тишины –
В зелёный Край, что верещит вершинами!

Ступени – как миры, шаги – тверды,
И ломит высь – от месяца огромного,
И на душе – то чувство широты,
Когда так не хватает – вида горного.

"В горах – гиганты кроются", – пугал
Отец меня, склоняя кудри белые.
А мне – ничуть не страшно: великан –
Сорвёт мне гроздь, до каких – не смела бы.....

Коль великану – вдоволь на горé
И гроздьев, и тепла, и лунной мякоти,
То и подавно хватит – счастья мне,
При всей моей – *невыносимой* жадности!

Дай этот Край мне, Господи! Отдай
Мне землю великанов – *с великанами!*
Хоть я не вижу, не тревожу – тайн,
Что за гиганты – жизнь ведут за скалами,

Согласна – к ним! Лазурных ветопь роб
Сжигая на пути – и месяц утрешний,
Высь подпирает – золотой циклоп,
Сентябрьское солнце не зажмуривший,

А на ступенях – всё луна свежа...
До луга, где порочны – травы влажные,
Не принижай меня: не устрашат
Меня созданья, в росте – обогнавшие.

В низины тишь – меня не поселяй,
Не отводи мне – сочными туманами
Накрытые – пустынные поля,
Но дай мне Гору *вместе с Великанами.*

1 сентября 2008 г. и 2 июля 2009 г.

Лотовы Дети

По склону крутому,
Взгляд бросив – за чистые горы,
Над пеплом Содома,
Над грозным пожаром Гоморры,

Над домом, погибшим,
За нравы чужие ответив, –
Всё выше, всё выше
Взбираются Лотовы дети.

Мучительно-горек
Их вздох, а шептанья их – шатки:
"Ах город наш, город...
Скамьи наши, своды и арки..."

Порочность и строгость,
Соседями ставшие: город!
Священная пропасть
Меж нами и падшими: город!

Ты был нам по счёту
Слёз, нами упущенных, дорог.
Как плачут ворота,
Несчастный наш, проклятый город,

В несметные дали
Огонь отпуская, да ставни.
Где камни бросали –
Нет камня отныне на камне.

Ты громами вспорот,
Ты змеями лавы источен.
Ах город наш, город...
Пусты твои мёртвые очи!

Летит твоя сажа.
Твой вопль – глухим – слух прорежет.
Кипит твоя чаша,
Но нитью смолы – не удержит

Осколка – осколок.
Твой образ – так ярок и страшен.
Ах город наш, город...
Могли ли мы звать тебя – *нашим?*"

Как вечная осень,
Сгущаются небо и пламя.
Кровавая осыпь
Шумит под босыми ногами.

И снова вздыхают
Одетые ризами воли,
И тень преступают
Любимого стана из соли.

А город – не верит,
Что страшные сны его – вещи,
Что в зареве, в сере –
Не смотрят за острые плечи

Идущие в гору,
Что светит Спасенье – престольной
Улыбкою – Лоту:
Печальной... безумно-спокойной...

Сквозь огненный ливень –
Вдогонку – сгоревшие травы:
"Вернитесь... там – гибель...
Безумные дети, куда вы?!"

27 июня 2007 г.

Дети, проданные в Рабство

Наивные, распятые толпой,
Что разоряет – чистоты богатство,

Мы – словно Дети, в дом Безумцев злой
Бесчувственными проданные в рабство.

Так, что душе – не подобрать жгуты,
Нас, крестников метели, нарядили
В кровавые насилия следы,
И нашу веру в ласку – осквернили.

Когда – с нас чужеродный сходит фарс,
Клеймом – сплошную оставляет рану:
Лишь самые сильнейшие из нас –
От тех, в ком избавленье, не отпрянут.

Нам сделаться защитой опоздав
И слыша: Зодчих шаг – руины мерит,
Вы с ужасом глядите нам в глаза,
Не с умилением, что – детей так греет.

Мы понимаем – горький ваш испут,
Бреши в узелках разорванных стежочков.
Мы никогда – войти не сможем в круг
Атласно-златокудрых "ангелочков".

На лоб – терновник, не пшеницы прядь.
Не кружевцо на грудь – по сердцу вожжи.
Но может безошибочно сказать
Лишь Ангелов Творец, *насколько* больше,

Чем баловни – в богатых Игровых,
Чем шалуны – в своих забавах шумных,
Похожи мы – на маленьких Святых,
Как Мудрецы – смотрящих на Безумных.

Храни вас Бог – от наших облаков.
Да не прельстят и золотым ковчегом
Вас слёзы – до желанья ростков,
Чтоб наше небо – вашим было небом!

27 декабря 2007 г.

Разум бессилен

Разум бессилен, когда он слышит,
как вопиет сердце.
Альбер Камю

Разум хотел – схватиться покрепче
За реальность вещей, в сотни прочных связей,
Но Надежда – ему показала вещи
В свете, в котором – они прекрасней.

Разум хотел – держаться до смерти
За лавровые ветви в плодовых куцах,
Только Вера – ему рассказала о месте,
Где имеющий – нищ, но богат – неимущий.

Разум хотел – уцепиться надёжней
За расчёт на усилия свои (тех ли – мало?!).
Но Любовь улыбнулась улыбкой божьей
И – головой покачала...

13 июля 2009 г.

Чистота и мир

Сама с собой, не разомкнув уста,
Чтоб не вдохнуть беды сквозь покрывала,
Беззвучно говорила Чистота...
Но мир услышал, как она – сказала,

Что всё – утрата, что скупцы хранят,
А щедрый – без находок не тоскует.
Что сходство есть – у вод и у огня.
Что на Земле – Чужих не существует.

Что через дали – брошены мосты.
Что целый век – от молнии до грома,
И Время – хрупкий скит для Красоты,
А Вечность – роща для постройки Дома.

Что Роскошь – не достойна пары лепт.
Что не найти ракушек без жемчужин.

Что мрак – всего лишь – задремавший свет,
Что будет чуткой поступью разбужен.

Что нужно – верить, что нельзя – судить.
Что в глубину небес – не страшно падать...
А тех, кто боль способен причинить,
Так радостно любить – за *счастье плакать!*

Ещё – что сор исчезнет без следа...
Ещё – что звёздный ветер крылья треплет...
И следом – прибавляла Чистота,
Что сказанное ею – не померкнет.

И, слыша, мир – смеялся ей в глаза,
На краткий миг – её обезоружив.
Но эха слов тех – звук не угасал,
А смеха отголоски – гасли тут же...

ночь 26 – 27 июня 2007 г.

Матушка

Смущённая, о страстном нашем счастье
Молчала под вуалью теневой.
Но об руку – меня он вывел к Пастве
И тихо молвил: "Вот – моя Любовь".

Как друга, как любовника, как брата –
Нельзя того, с кем пламенно родство,
Любить сильнее – бессмертна эта правда, –
Чем – как отца ребёнка своего.

И словно по любовному расчёту –
Он мне, желая Чувства – меры всей,
Дал не одно дитя, одну заботу, –
Но целый мир – возлюбленных детей!

Бессонная, я жить – не в силах праздну!
Не допуская – пред Опекой лжи,
К ним, плачущим, – бросаться и склоняться
Над колыбелью шаткою души!!!

В их Благое – видеть знак, что я – достигла
Всего, что Бог судил... что – полон Дом...
Мне показалось, я – к нему привыкла.
Но полыхнула так – живым огнём

Та новизна любви, что уж угасла, –
Что, ею обожжённый, дух – рыдал,
Когда впервые – старец седовласый
Меня не внучкой – *Матушкой* назвал.

вечер 22 августа 2005 г.

Зодото

Выше престола – в Храме бушует солнце,
Ниже престола – намётана тень стежками.
Плавится крест – и горячее золото льётся
На прохладный престол,
перевитый светлейшими льнами.

И, как пришедшей в голодное время на паперть,
Мне – золотому потоку под синим сводом
Хочется разом – обе горсти подставить,
Чтобы наполнить – жидким сиянья мёдом.

Мне – полпригоршни, чтоб – улыбнуться Горю,
 Всем – полпригоршни, чтоб – улыбнуться Богу.
 Горсть до краёв – тому, с кем стезёй одною
 Я не взойду никогда на лазури гору.

Не обниму его тихо – в пустом притворе.
Не назову его имени людям смертным.
Но глубоко-глубоко в обожжённом зоре
Время молитвы о нём – сохраню нетленным.

И соберутся Ангелы в Храме светлом,
Вновь отпевая – погибшее чувство наше,
Чтоб *и свои* пригоршни – с медовым светом,
С золотом крестным – отдать ему полной чашей.

3 апреля 2008 г.

* * * *

Раскрыл Псалтирь – и голуби слетают
К ногам, воркуя. Вот она, пора
Молитвы горькой – словом "доверяю"...

Земли причуд прощальных тихий лепет...
Мы – те, кто прокажённого Иова
Когда-то в мудрый лоб поцеловал...

4 октября 2005 г. и 22 февраля 2008 г.

* * * *

Утраты... Когда – нам приходится что-то терять,
От мысли одной – много легче и много больнее:
Так ветви срезают, чтоб лучшую форму придать
Взъерошенным ветром и ливнем – деревьям Аллеи.
Срезают – живое, срезают – Единого часть,
И горько – Садовнику слой уступать убранства,
Но сладко от Странников слышать, путей – повидать
Успевших немало, что наша Дорога – прекрасна.

22 апреля 2008 г.

На светлую Ноченьку

Пастырь любимый! добрый, хороший мой
Отче, как малую девочку-доченьку,
Сам собери меня – в путь-дороженьку,
Звёздочку дай мне – на светлую Ноченьку.

Мёртвые мысли о милом – в котомочку.
В сердце разбитое – Зарева капельку.
Строки, не ставшие хлебушком, – в горсточку.
Белое пёрышко Ангела – в ладанку.

Вытри платочком – взгляд мой доверчивый,
Чтобы упали – соринки безумия.
Сам – заплети мои волосы венчиком,
Смертной рукою – не коронуй меня.

Сам – отопри голубей моих клеточки,
Чтобы летели со мною – до Милости.
Дай посошок мне – из той самой веточки,
Что отхлестала меня за провинности.

Чтоб поняла, как моления слышишь Ты
Ясно – и в жизнь долгой, и минутные,
Царской гребёнкой – пригладь мои крылышки,
Что отшумевшею бурей спутаны.

Боже, меня собери в путь-дороженьку!
Сам – проводи меня. Сам – повстречай меня.
(Канули в лучики – тени тревожные.)
Господи, Господи – *не отпускай меня.*

вечер 27 октября 2007 г.

Молитва о Покрове

Дневных цветов гирляндой обойми,
Когда стустилась ночь, играя искрами.
Во всех чужих навечно – меж людьми,
Во всех для самой главной Битвы избранных,

Во всех, кому приют единый – Храм,
Всех измождённых, страждущих и алчущих
Любовь ещё сильнее к Небесам,
Как будто облака – платки для Плачущих.

Как будто свет – лекарство для страстей
Святейшего, блаженного молчания.
Как будто по забытой слепоте,
По вытертым страницам покаяния,

Удела сердца – знанью наперёд,
И поданного камня – хлебной мягкости
Не жизни разливается исход,
Но чаша опрокинутая *Радости.*

Так вот я, вот я! от земным живых
(На Луг – из чащи, где царит смятение) –

Возьми меня в пределы Синевы
И дай покров мне белый в утешение.

28 октября 2007 г.

Белая Горлица

Осенний ветер, отдыха мне дай
В твоей руке, дорога – так долга.
Я – белая голубка среди стай,
Что осмеяли – горные снега.

Мне с ними хлеб делить их не пришлось,
И всё же – я не буду голодна:
Не звёзды светят в небе, то – Господь
Насыпал золотого мне зерна.

Я не коснусь вовек – земной пыли,
Но я не жду – наград и похвалы.
Я лишь мечтаю той достичь земли,
Где – мне подобно – птицы все белы.

И я лечу в мой Край, не зная сна,
Крутами цепких гнёзд не пленена.
А под крылом одним – земля черна,
А под крылом другим – вода черна.

Как странен этот дар крылатый мой:
Не тяготиться – вечной белизной,
Хоть пусто мне – над чёрною землёй,
Хоть холодно – над чёрною водой...

Как сладко, что душа моя – не здесь,
Но там, где чистых лилий снежный бриз...
Пока дышу, я помню долг лететь
На зов со мною схожих белых птиц!

Когда теряет море свой покой,
Когда всё больше тьмы, всё меньше сил,
Мне кажется, за сумрачной грядой
Я вижу – очертания их крыл...

вечер 14 сентября 2007 г.

Содержание

часть первая

Истории в утешение

О Губке	5
Глухота	5
Пылинка	6
Переправа	8
Притча о морях по колено	9
Жабы	10
Гора	11
Состязанье	13
Убежище Святого Феликса	13
Серп	16
Грязные Следы	17
Притча о Несших Камни	18
Горбун	19
Сказка о Чистой Горенке	22
Повесть о Шалаше	25
В Пути	27
Домик в подарок	29
Джинн в бутылке	30
Притча о Равенстве	31
Две Вишни	32

часть вторая

Гефсиманская Веточка

Гефсиманская Веточка	34
Ниточки	35
"Ветер двузначности – шумной играет листвой..."	36
Терпение (Любовь – долготерпит)	37
Не бойся темноты	38
Видится	39
Гончар	40
Вера тесна	41
Любовь – надеется всегда	42
На Паперти	44
Ангел Из Платка	45
"– Светлый Боже, Заступник мой..."	45

Храни Лампаду	46
Смоковница	47
Малое	49
Твоё Доверье	50
Рука Дающего	50
Целуя шрамы	51
"Мимо нарциссов, просящих – зеркал..."	52
Ласка людская	53
Добрые Глаза	53
Зайчики	54
Баллада Умиления	55
Воды Чудотворной Купели	56
Святой Исток	57
Ангелы спят	58
Без зонта	59
"Дождь, и за внутренней теплотой..."	60
Смелости!	61
Ода Божьему Взору	62
Парус и Ветер	63
Снег и Солнце	63
Ладан Памяти	64
Сверчок	64
"Плач – о праве – "Домой", не заслуженном праве – "Домой"!.."	65
Вместе с Великанами	66
Лотовы Дети	67
Дети, проданные в Рабство	68
Разум бессилён	70
Чистота и мир	70
Матушка	71
Золото	72
"Раскры Псалтирь – и голуби слетают..."	73
"Утраты... Когда – нам приходится что-то терять..."	73
На светлую Ноченьку	73
Молитва о Покрове	74
Белая Горлица	75

литературно-художественное издание

СТИЗОРИК Тереза Мартиновна

Истории в утешение

Компьютерный набор:	Валентина Беляковская
Компьютерная вёрстка:	Тереза Стизорик
Дизайн обложки:	Тереза Стизорик
Корректор:	Ольга Ярошина

официальный сайт Терезы Стизорик
www.fiolle.by

электронный адрес
fiolle-studio@yandex.by